

УДК 101.1+001.2

ФИЛОСОФИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

**ПИРОЖКОВА
СОФЬЯ
ВЛАДИСЛАВОВНА**

*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт философии РАН, сектор теории познания,
Москва, Российская Федерация,
pirozhkovasv@gmail.ru*

Ключевые слова:

философия
наука
научная дисциплина
вольфгангство
вольная философия
университетская философия

Аннотация:

В статье предлагается рациональная реконструкция истории развития отечественной философии как научной дисциплины. Актуальность такой реконструкции обусловлена необходимостью нового самоопределения философии в структуре научного знания. Такая необходимость вызвана, с одной стороны, трансформациями науки в целом как познавательного, социального и культурного феномена, с другой – тем, что российская наука переживает период реформ, ставящих перед отечественной философией неотложные вопросы фиксации ее особенностей, функций и задач как научной дисциплины в новых условиях. В статье показывается, что философия появляется в России как часть целостной системы рациональных знаний, точнее как часть своеобразного социокультурного проекта по построению такой системы. Эта система, наследующая проекту Хр. Вольфа, характеризуется отсутствием не только современной дифференциации наук, но и возникшего впоследствии противопоставления философии и науки. В короткое по историческим меркам время начинается эмансипация естественнонаучных дисциплин, стремящихся приватизировать статус научного знания. Однако с начала XIX века не самоопределение перед лицом приобретающей свой современный лик науки, а социально-политический контекст определяет судьбу отечественной философии, задавая различные формы ее институционализации. Эта зависимость сохраняется и в XX веке, когда роль в советском социалистическом проекте возвращает философии центральное место в структуре научных знаний, как это было в вольфгангской системе, одновременно дискредитируя ее как научную деятельность. Обосновывается, что с конца 1950-х годов отечественная философия начинает частично отстраивать себя как научную дисциплину, создавая предпосылки для сохранения академической и университетской философии после краха советской идеологии.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 ноября 2020 года

Опубликована: 27 декабря 2020 года

ВВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМНЫЙ КОНТЕКСТ И ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

В последние десятилетия в зарубежной и российской философии науки и более широком поле философских, исторических, социологических, культурологических и иных дисциплинарных, а также междисциплинарных исследований науки сложился своеобразный дискурс перемен. Перемены здесь представляют собой не столько цель или нечто желательное, сколько то, что уже происходит с наукой, чем она охвачена и что хотелось бы понять и взять под контроль. Перемены, о которых идет речь, разноплановы по своей природе. Хотя доминирующее положение продолжает удерживать социально-экономическая, социально-политическая и историко-культурологическая проблематика, сохраняется устойчивое внимание к внутринаучным трансформациям – изменениям дисциплинарных и общенаучных онтологий, норм научной деятельности, методологических подходов и принципов организации исследовательской деятельности. При этом все больший акцент делается на зависимости внутренней истории развития науки от внешней истории ее развития. Такие направления, как социология знания, социальная эпистемология, социальный конструкционизм, интерпретируют рост научного знания как причинно обусловленный не только или даже не столько познавательным процессом, сколько социальным и культурно-историческим контекстом. Сегодня этот контекст заставляет обращаться к вопросам функционирования науки в условиях рыночного устройства хозяйственной деятельности, формирования экономики знаний и общества знаний, демократизации различных практик (включая, например, экспертизу), нарастания экологических, технологических и социальных вызовов.

Проблемы, актуальные для науки в целом, с разнообразными поправками актуальны и для отдельных дисциплин. Статус теоретического знания, эмпирический характер теорий, вопросы организации реального эксперимента, позволяющей сохранять за ним статус метода познания реальности, а не ее конструирования, особенности виртуального эксперимента и цифровизации исследовательского процесса, соотношение фундаментальных и прикладных исследований, взаимодействие экспертных и профанных знаний, реализация контроля за наукой как объектом государственных и частных инвестиций, общественная роль и ответственность ученых – это только первый ряд внушительного массива проблем, в каждой науке приобретающих большее или меньшее значение и свое особое звучание. Философия – не исключение. Саморефлексия всегда была присуща философии в большей степени, чем другим наукам, можно сказать, что саморефлексия вообще есть одно из проявлений философского взгляда на мир. Так, философия науки является по сути саморефлексией науки. Но как институционализированная научно-исследовательская практика философия науки занимается и анализом собственного места и роли в научном поиске в целом и в системе научных знаний (в таком случае можно говорить о метафилософии науки [19]).

Философия задавалась вопросами о собственной природе и своем назначении, начиная с того момента, когда заявила себя особой познавательной практикой. Фактически философия формировалась как спонтанно, так и проективно – уже первым натурфилософам нужно было объяснить себе и окружающим, чем они занимаются. После этого практически каждый крупный философ обращался к вопросу о назначении философии, о границах области ее компетенции, о ее соотношении с другими видами познания. В рамках новоевропейской интеллектуальной традиции среди этих вопросов стал формироваться вопрос о статусе философии как научной дисциплины. Первоначально речь шла об отделении подлинно научной философии от спекулятивных традиций, в оппозиции которым формировалась эта новая философия. Затем возникла проблема разделения исследовательских функций между естествознанием, вышедшим из статуса натуральной философии, и философией как метафизикой. Позднее самостоятельный научный статус обрели социальные и гуманитарные науки, и философия стала самоопределяться либо как часть этой группы дисциплин, либо как транснаука (по аналогии с трансдисциплинарными, или сквозными для различных научных областей, подходами [17]), отчасти подобная математике, знания которой востребованы подавляющим большинством других наук. К XXI веку риторика вновь поменялась, на первый план стали выходить вопросы практической полезности философии, конвертируемости ее результатов в конкретные блага, востребованности философии в контексте задач технологического и сопряженного с ним социального развития [см., например, 6]. К этому прибавляется определенное напряжение, существующее между различными философскими традициями, например, наукообразной – поскольку придерживается строгих процедур получения философских знаний – англоязычной аналитической философией и тяготеющей к более разнообразному спектру способов порождения и представления научных результатов континентальной философией.

В России на обозначенные выше интерферирующие между собой проблемные области

накладывается национальная специфика, причем это наследие не только советского периода истории отечественной философии, но и дореволюционной истории ее развития. Кроме того, российская наука в целом за последние десятилетия пережила несколько непростых периодов – от кризиса конца XX века до разных этапов реформирования в первые десятилетия XXI века. В этой ситуации перед отечественной философией вновь встают вопросы определения своего места – в системе познавательных практик, в структуре научных дисциплин, в жизни общества и развитии культуры. Все эти вопросы становятся предметом дискуссий в профессиональной печати и на научных площадках (так, начиная со второй половины 2000-х годов в рамках заседаний Ученого совета Института философии РАН был сделан целый ряд тематических докладов, опубликованных на страницах «Философского журнала» вместе с последовавшими прениями [4], [14], [15], [16], [18]), и назрела необходимость систематизировать существующие позиции. Подобная цель предполагает решение нескольких крупных задач – выяснение назначения и перспектив философии как: 1) части меняющейся культуры, 2) части меняющейся системы познавательных практик, 3) социально значимой интеллектуальной деятельности, 4) научной дисциплины. Хотя решение каждой из названных задач неизбежно зависит от решения других, искать их придется последовательно, уточняя полученные результаты на каждом новом этапе. Поскольку предполагается проводить такой анализ как научное исследование, причем не историческое или социологическое, а философское (либо междисциплинарное, включающее в качестве ведущей составляющей философский анализ), первой задачей на обозначенном пути будет вопрос о научном статусе философии, о том, как меняется или должен измениться этот статус в контексте реформирования российской научной системы. Чтобы понять место философии в российской научной системе, прежде всего необходимо обратиться к исторической перспективе, поскольку помимо общих закономерностей развития в каждой стране философия имеет особенную историю развития, влияющую на ее научный статус.

XVIII ВЕК: ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

По вопросу о том, когда в России возникла философия, ведется длительная дискуссия (см., например, [13], [9]), в которую мы не будем погружаться, поскольку нас интересует не философия в широком понимании – как познавательный и экзистенциальный феномен, имеющий много форм своего бытования в культуре, а философия как часть научной системы, часть науки как профессиональной деятельности и оформившегося социального института. Несмотря на существование центров учености и в допетровский период, наука современного новоевропейского типа появляется в России как один из результатов реформ первого русского императора. До этого момента нечто наиболее близкое к систематической философии можно было найти только в духовных академиях, поэтому с 1724 года философия отчасти приобретала двойную прописку. С одной стороны, она продолжила существовать в рамках духовного образования и учености в форме философских дисциплин, преподававшихся в духовных академиях, а значит, требующих специалистов-преподавателей. С другой стороны, она получила академическую и университетскую институционализацию в рамках Петербургской академии наук и созданного при ней Петербургского академического университета.

Подобная двоякая форма институционализации являла собой своеобразный компромисс между двумя проектами развития науки в стране – поддерживаемым Г. В. Лейбницем и отстаиваемым Хр. Вольфом, с которыми консультировался Петр I. К тому времени наука в Европе существовала в двух основных формах. Во-первых, в форме университетской науки, во-вторых, в форме академий [12]. Академия как форма организации научной деятельности вдохновлялась идеалом «Новой Атлантиды» – утопического сочинения Ф. Бэкона, в котором ученые были объединены в некое подобие религиозного ордена – довольно автономное сообщество, решающее, как бы мы сегодня сказали, задачи в области НИОКР. Так, была заложена идея коллективной, специальным образом организованной науки, которая стала развиваться в своеобразной оппозиции науке университетской. Эта оппозиция была обусловлена консерватизмом университетов, ярким свидетельством которого является то, что четырехфакультетная структура просуществовала в неизменном виде несколько столетий, игнорируя тектонические трансформации архитектуры научного знания. В XVI веке речь шла не только о структурном, но и о содержательном консерватизме – естествознание, или как тогда говорили натуральная философия, развивалось не в университетах, а в разнообразных кружках и неформальных объединениях, типа Республики ученых и невидимого колледжа [8]. Тем не менее к началу XVIII века под напором уже достаточно оформившегося математизированного экспериментального естествознания происходило обновление университетов (об этом чуть ниже).

Нельзя не отметить, что и университетская, и академическая формы организации науки складывались в Европе в целом самостоятельно, иногда при поддержке государства и конкретных

правителей, иногда в отсутствии таковой. В XII–XIII веках централизованная светская власть вообще еще не сформировалась, а позднее, уже в XVI, да и в XVII веке энтузиасты новой науки в силу своего маргинального статуса не могли особо рассчитывать на государственную помощь, только на расположение конкретных правителей. В России ситуация была принципиально иной. Наука была социокультурным проектом, который нужно было реализовать в сжатые сроки, у русского императора не было времени развивать университетскую культуру и ждать пока сложатся условия для возникновения национальной науки. Поэтому было принято решение фактически импортировать науку из-за рубежа, одновременно предусмотрев, чтобы эта импортированная наука стала питательной средой для взращивания отечественных ученых. Так и появилась гибридная форма академии с университетом при ней. Правда, просуществовала она недолго. По регламенту (уставу) 1747 года академия и университет были разделены, в результате чего философия формально была исключена из академии и сохранялась как направление подготовки в рамках университета, разделенного в соответствии с европейскими традициями на четыре факультета. В академии же сохранялись три класса – три крупные направления исследований: математический, физический и гуманитарный, в который входили история, право, политика и этика [2]. Таким образом, судьба профессиональной философии в России оказалась на многие годы связанной с университетами, а не с академией, куда философия вернулась только в начале советского периода.

Тем не менее фактически философия присутствовала в академии и после формального исключения из направлений ее деятельности. Так, А. А. Гусейнов отмечает, что, несмотря на отсутствие философии как направления исследовательской деятельности, среди

«иностранных членов академии ... философы занимают видное место и представлены выдающимися именами Х. Вольфа, Ф.-М. Вольтера, Ж. Д’Аламбера, Д. Дидро, Ж. Кондорсе, П. Гольбаха, Б. Франклина, И. Канта, И. В. Гёте, В. Вундта и других» [7: 1086].

Такое кажимое противоречие объясняется по всей видимости не только тем, что исключение философии из академии «было следствием не собственной позиции академического сообщества, а политики царской власти, не желавшей отдавать мировоззренческие вопросы под опеку науки» [7: 1086], но и тем, что все перечисленные мыслители идентифицировались не просто как философы, но как ученые. Это было обусловлено еще не сложившейся дифференциацией наук, еще не произошедшим размежеванием физики и метафизики, математизированного естествознания и спекулятивной философской традиции. Как отмечает Т. В. Артемьева, «сам тип мышления эпохи заставлял быть философами и физиков, и математиков, и астрономов» [2: 14].

«...На первом месте, – продолжает она, – находились проблемы методологии выявления метафизических оснований научных теорий. Натурфилософские рассуждения содержались и в самих формулировках научных теорий, поэтому рассуждения о “причине”, “пространстве”, “движении”, “познании” предвзяли исследования естественнонаучного характера, составляя самостоятельные философские сочинения, внутри научных трактатов. ...умозрительные аргументы использовались в науке, а научный опыт – для решения философских проблем. Способ познания считался универсальным для всех областей знания, как опытного, так и умозрительного, что породило феномен энциклопедизма, выражавшийся в том, что “ученый” в то время обычно был специалистом во многих областях, одной из которых довольно часто была философия» [2: 14–15].

Современному читателю тексты первых русских академиков нередко представляются как «“смешение” философских и естественнонаучных проблем и методов», потому что «философские аргументы часто использовались в физике, равно как научный опыт – для решения философских проблем» [2: 118].

Описанная ситуация была обусловлена во многом тем, что философия пришла в Россию в составе целостной научно-философской системы уже упомянутого Хр. Вольфа, бывшей тогда в зените своей славы. На протяжении XVI–XVII веков, предшествующих времени творчества Вольфа, познавательная практика, не сводящаяся к трактовке Священного Писания и теологическим штудиям, существовала в нескольких основных формах: в виде университетской науки – свободных искусств (тривиум и квадриум), медицины и права, в виде обособляющихся естественнонаучных изысканий, принимающих коллективные деятельностные формы, и в виде влиятельных магических и алхимических практик. Как отмечает В. П. Визгин, Новое время характеризуется сближением религии и зарождающейся науки о природе, которые выступали единым фронтом против алхимического познавательного проекта [5]. Это сближение проявляется и в деятельности идеологов новой науки, «освещающих» ее религиозными идеями (например, в концепции двух книг, доступных для человеческого познания, – Священного Писания и Великой книги Природы), и в более поздних попытках связать спекулятивную философскую

традицию, включающую теологию как свою неперенную часть, с математизированным экспериментальным естествознанием. Автором подобного проекта, наиболее популярного и значимого в первой половине XVIII века, и стал Хр. Вольф, попытавшийся интегрировать новую традицию исследования природы и по сути наследующую схоластическим традициям систему философских знаний. Он поставил перед собой задачу систематизировать имеющиеся знания, принадлежащие, как бы мы сейчас сказали, равно к области философии и области иных дисциплин, фактически воплощая идею Лейбница о построении общей науки, объемлющей различные пути рационального постижения мира, непосредственно не связанного с религиозной догматикой [24]. Именно эта система становится эталонной в академическом, а затем Московском университете.

Судьба системы знания Вольфа характеризуется как огромным успехом у современников, так и довольно скорым и стремительным падением популярности. По сути это был один из последних проектов построения философии как всеобъемлющей системы рационального знания. В этой системе увязывались воедино не только метафизика и физика, но спекулятивные проблемы с практическими. Как полагает В. А. Жучков,

«у Вольфа в значительно большей степени, а главное – в более осознанной и целенаправленной форме, нежели у всех его предшественников в истории немецкой философской мысли... проявилась та ее особенность, которая состояла в стремлении к универсальному синтезу идей и проблем, учений и направлений предшествующей философии» [10: 133].

На эту особенность наложилась «просветительская открытость всем влияниям, жажда к впитыванию всех истин предшествующей мысли и их использование для образования и блага людей» [10: 134]. Система рационального знания Вольфа, «мироведение» (так О. М. Зеленина переводит термин «*die Weltweisheit*» [24]) ориентировано не просто на объяснение мира, но на использование знания в качестве руководства для жизни. Все это было созвучно настроению эпохи и позволило реформировать университетское образование, начав переход от схоластической традиции к новой науке и новой философии [10: 131].

Проект Вольфа, однако, продемонстрировал невозможность построения логически непротиворечивой системы мироведения, способной стать основанием для других наук. Ему не удалось аналитически вывести эмпирические утверждения из метафизических, что стало обнаруживаться уже при его жизни. Этот негативный опыт демонстрировал, что наукам вроде бы и не нужна метафизика в ее традиционном понимании. Так, Л. Эйлер, найдя в работе Вольфа «Космология» поразившие его «трудности, столь многочисленные, послышки, столь противоречащие истинным законам движения и самой природе», пришел к выводу, что не физика должна опираться на метафизику, а наоборот, «метафизическое учение должно основываться на физике, т.е. должно путем абстракции выводиться из явлений сложных субстанций» [25: 12, 16]. Вместе с тем эти факты не вели к преданию метафизики немедленной анафеме. Авторитет философии был необычайно высок, а школа Вольфа весьма многочисленна и сильна, о чем говорит, в частности, письмо Эйлера самому Вольфу, в котором он дипломатично отмечает:

«...поскольку нужно создавать систему всеобщей философии, столь... полезную для познания истины, всякий, принявший на себя труд тщательного исследования самых истоков и основ нашего познания, не только заслуживает величайших похвал..., но достоин всяческой помощи и поддержки, даже если его теории весьма и весьма далеки от совершенства» [25: 74].

Однако накопление свидетельств того, что метафизические утверждения представляют собой «чистые выдумки» [25], быстро меняют расстановку сил. Это демонстрирует красноречивая цитата, приводимая исследователем русской философии В.Ф. Пустарнаковым:

«Философия, – пишет биограф профессора права Ф. Г. Дильтея в биографическом словаре профессоров и преподавателей университета, – поглощала в себе все науки; не дожидаясь их последних выводов, она предписывала их, не собирая, а разветвляясь в отвлеченных умствованиях, запутывалась в дробном анализе, отрешаясь от жизни общества» [20: 96].

Как отмечает Пустарнаков, уже в Московском университете философии пришлось столкнуться с оппозицией в лице «адептов конкретных эмпирических дисциплин», боровшихся «с философией как предельно абстрактной наукой, которая выглядела в глазах эмпириков безжизненной схоластикой» [20: 79].

Все это не означало окончательного размежевания, но означало начало процесса самоосознания наукой себя в качестве чего-то отличного от философии. В этом контексте был воспринят сначала подход Канта, трактовавшего роль философии как теории познания, а затем и позитивизм, объявивший философию (как метафизику) лишь этапом на пути развития познания, этапом, сменяющемся

пришествием эры науки. Такому подходу противостоял немецкий идеализм, на который опиралась русская традиция, выступавшая против одностороннего сциентизма и выдвигавшая концепцию цельного знания, а она предполагала равнозначность как рационального, так и сверхрационального постижения мира. Эта традиция, ведущая от славянофилов к русской религиозной философии конца XIX – начала XX века, развивалась вне институциональных рамок науки, но обусловлено такое положение было не только содержательным противостоянием, но и обстоятельствами экстерналистского характера.

ХІХ-ХХ ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ИЛИ ОКНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНОГДА ОТКРЫВАЮТСЯ

Для европейского трансцендентализма от Канта до Гуссерля или позитивизма от Конта до Карнапа и Рейхенбаха основным визави, своеобразным Другим, провоцирующим ее развитие и самоопределение, оставалась для философии наука. В России уже к концу XVIII века таким визави философии начинает все более выступать не формирующийся нормативный канон научного познания, а социально-политическая ситуация, в которой ей приходится существовать, а время от времени – выживать. Так, невысокий социальный статус, который философия имела на протяжении XIX века, обусловлен не теоретическими проблемами, о которых было сказано выше и которые не помещали продуктивному развитию философии в Европе, даже скорее привели к ее расцвету. Причина заключалась в отношении к философии власти и правящей политической элиты – отношении, варьирующемся от настороженного до враждебного.

К концу XVIII века определяются три формы существования философии. Первая – духовно-академическая, т.е. система философских дисциплин, преподающаяся в духовных академиях и тем самым сохраняющаяся как традиция, философия, подчиненная целям религиозного воспитания и образования. Вторая – университетская философия, имеющая характер систематической специализированной профессиональной деятельности и до эпохи царя-реформатора Александра II живущая, по выражению В. Н. Ивановского, от «погрома до погрома» [20]. Третья – «вольная» философия, первые ростки которой появляются уже в XVIII веке («философы-дворяне» А. Т. Болотов, М. М. Щербатов [1: 147–166]) и мощный импульс развитию которой дает в XIX веке прогрессирующий консерватизм, перерастающий в охранительную и обскурантистскую идеологию. (Если в XVIII веке философия европейского типа, как и все привезенное Петром I из-за границы, могло вызывать страх разрушения культурной самобытности, то в XIX веке страх вызывало формирование критического мышления – предпосылки того, что во многих головах станут возникать мысли о возможности оценки качества существующего политического режима. С учетом опыта Великой Французской революции университетской философии в начале XIX века предписывался сциентистский путь, т.е. молодые умы ориентировали в наиболее безопасном направлении. Однако уже к концу 1810-х годов, после создания Министерства духовных дел и народного просвещения и благодаря активной деятельности таких государственных мужей, как обер-прокурор Священного Синода А. Н. Голицын и попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий, цензуре подвергалось уже все, что можно было заподозрить в «неблагочестии», отступлении от «преданности вере и престолу» [3: 20]. На деле это выливалось в практику различных запретов и предписаний, увольнение профессоров, позволявших себе отходить от буквы и духа государственной идеологии, ликвидацию целых курсов.)

Обозначенная структура философского познания как феномена русской культуры определяла и его отличия от европейской традиции. К таковым относится не только доминирование социально-философской, в частности, историософской тематики, но и развитие религиозной философии. Субъект вольной философии – не университетский профессор, не член ученого сообщества, а участник исторического процесса. Его волнуют вопросы оптимального устройства общественной жизни и собственная роль в этом устройстве, а также вопросы специфики той историко-культурной общности, к которой он принадлежит.

Оставляя за скобками нашего исследования духовно-академическую философию, скажем несколько слов о вольной. Согласно устоявшемуся консенсусу, эта разновидность может быть отнесена к публицистике и разновидности социально-политической активности, но никак не к науке. И здесь бессмысленно апеллировать к исторической альтернативистике и указывать, что, по крайней мере, некоторые вольные философы могли найти себя и в университетской философии, если бы она не подвергалась жесткой цензуре, волнам увольнений и даже упразднению, и в академической, если бы таковая существовала. Но, несмотря на отсутствие в XIX веке систематически развитой, отличающейся дисциплинарным разнообразием традиции вне университетов, можно согласиться с А. И. Введенским, что в рамках, например, дискуссии западников и славянофилов философски, опираясь на рецепцию

систем Шеллинга и Гегеля, прорабатывались актуальные социально-политические проблемы. Из перспективы начала XXI века о такой философии можно в принципе говорить как о прикладной, использующей концептуальный аппарат и идейный потенциал спекулятивных концепций для социального проектирования. И если мы говорим о нанотехнологиях или искусственном интеллекте как научно-исследовательских областях, то есть основания ставить вопрос и о научном статусе социального проектирования. Кроме того, вольная философия, по сути, была ориентирована на формирование условий возможности философии как научной дисциплины. Наконец, «вольную» философию можно идентифицировать в качестве «профессиональной». Как подчеркивает Т. В. Артемьева, субъектом такого «философствования... был не “профессор”, а “любитель”, но не дилетант, а профессионал особого типа, делавший философствование “образом жизни”, а не “средством к существованию”» [1: 166]. Важно понимать, что это феномен, не только имеющий много аналогов в истории философии и полностью соответствующий социокультурной идентичности философии Просвещения, но и находящийся адептов и в наше время. Правда сегодня речь идет не о «вольной» философии как таковой, а скорее о профессиональной философии, философии как профессии, карьере, средстве существования и приобретения социального статуса, которая имеет вид «вольной» философии – философии в миру, а не в академическом кабинете, философии, ориентированной на решение социальных и экзистенциальных проблем, а не проблем теоретической, спекулятивной философии. Теоретическое обоснование такой формы институционализации философии можно найти у Р. Рорти и его последователей [21], [22], [23].

Расцвет университетской философии и философии в целом становится возможным с началом социальных преобразований [3], как и возвращение философии в Академию наук. Подобно тому, как притеснение философии в поздний период правления Александра I и при Николае I имело социально-политическую и идеологическую основу, возвышение философии после 1917 г. обуславливалась удачно сложившимися для нее итогами политической борьбы. Как отмечает А. А. Гусейнов,

«какой бы глубокой или поверхностной, искренней или фальшивой ни была приверженность марксистскому учению, сердцевиной которого выступала философия диалектического материализма, именно в этой приверженности большевики видели основу своей легитимности» [7: 1087].

Так философия оказалась не просто важна, но превратилась, используя современный управленческий язык, в государственный приоритет и фактор обеспечения государственной безопасности.

Однако советская институционализация философии, фактически вернувшая ей статус, сравнимый с местом в вольфианской системе знания, одновременно и скомпрометировала философию как часть науки. Вновь наделенная, подчеркну, политической властью, а не в ходе прогресса человеческого познания, что само по себе уже скандал, – правом предписывать – опять же подчеркну, не разрабатывать и предлагать, а директивно спускать, – конкретным наукам базовые категории, принципы и методологические подходы, философия отошла от статуса науки куда дальше, чем в форме «вольной» традиции или религиозной философии Серебряного века. Вместе с тем марксистская философия позиционировала себя как научную философию, и этот факт как ружье, весящее на стене якобы только в декоративных целях, выстрелило – в лучших традициях одновременно и драматургии, и магии слова.

НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОМУ НАУЧНОМУ СТАТУСУ И ЕГО НОВОЙ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ

История советской философии учит тому, что быть государственным приоритетом – не удача, а роковой жребий. Попытки построить правильную философию – в полной мере выражающую и не отступающую от безусловных марксистских истин – в несколько подходов зачистили поле отечественной философии. Сначала устраняли всех очевидно идейно чуждых, потом – менее очевидно чуждых, затем стали искать замаскировавшихся, вероломных и двуличных и даже тех, кто сам не осознавал своей чуждости. История зачисток создает ореол чуда вокруг возрождения философии, начавшегося со второй половины 1950-х годов. Мышление не как когнитивный, а как культурный феномен каким-то образом сохранилось в один из самых антирационалистических периодов отечественной истории (по этому критерию сопоставимым с фашистским периодом немецкой истории).

Как известно философский ренессанс, или философская оттепель, заключалась в подъеме тех областей философии, которые могли завуалировано, частично или по существу, дистанцироваться от государственной идеологии. Логика и теория познания, философия науки, отдельные направления истории философии, наиболее близкие к другим научным дисциплинам – истории, психологии, методологическим исследованиям в иных областях, стали отстраивать себя как научные дисциплины. Так, все больше философских дисциплин действительно превращались в научную философию, проводя

исследования в соответствии с нормами научной деятельности. Одновременно интенсифицируются различные междисциплинарные связи – с историей науки, психологией, филологическими науками, семиотикой, с естественнонаучными дисциплинами, заинтересованными в решении концептуальных, а впоследствии и прагматических проблем (этика научных исследований, биоэтика). Все это формировало тот фундамент, который позволил отечественной философии сохраниться после крушения коммунистического социального проекта. Крах советской идеологии и марксистско-ленинской философии не обернулся крахом отечественной философской традиции. Напротив, не идеологизированные, а подлинно научные исследования достигли в ее структуре того критического веса, благодаря которому она не просто сохранилась, но стала интенсивно развиваться даже в неблагоприятных социально-экономических условиях.

И университетская, и академическая философия в лице своих ведущих центров оказались в состоянии отстаивать собственный научный статус и отстаивать его. Однако значение сыграл и фактор вписанности в академическую и образовательную системы, участие в системе научных коммуникаций и воспроизводстве научных кадров. В ситуации трансформации научной и образовательной систем этот фактор стал в определенной степени ослабевать. Реформирование университетов, системы управления наукой, включая организацию исследовательской деятельности, ее планирование и оценку, стимулировал множество дискуссий, в которых так или иначе поднимается проблема научного статуса философии. В рамках данной работы осветить эти дискуссии и включиться в них не представляется возможным, поэтому данную задачу, решение которой входит в мои ближайшие планы, я оставляю для следующих работ. Здесь же нужно обозначить те выводы, которые получены из приведенной рациональной реконструкции истории философии как элемента отечественной научной системы и которые послужат основанием для решения проблемы ее актуального научного статуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

История русской профессиональной философии отличается несколькими яркими чертами – развитием с опорой и в полемике с мощной европейской традицией, институциональной плюрастичностью, драматичной зависимостью от социально-политического контекста, перманентным кризисом преемственности. Эти черты указывают соответствующие проблемные области процесса самоопределения отечественной философии, болевые точки, которые воспроизводятся из дискуссии в дискуссию. В свете вопроса о научном статусе философии важно, как обозначенные особенности влияют на конструирование этого статуса, что я и попыталась высветить в рамках сжатой рациональной реконструкции. Ключевым моментом безусловно остается историческое и содержательное соотношение феноменов философского и научного познания мира, соотношение физики и метафизики, теории и спекуляции, технического и проективного. В этом контексте нельзя не вспомнить, что своеобразной отправной точкой советской философской оттепели стало «дело гносеологов», развернувшееся вокруг небольшого текста, озаглавленного «Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития» [11]. Этот теоретический вопрос, поставленный Т. И. Ойзерманом перед Э. В. Ильенковым и В. И. Коровиковым, не требует однозначного ответа, потому что до тех пор, пока и наука, и философия, и человек, и общество развиваются, такого ответа нельзя будет дать. Но его перепостановка, конкретизация, четкая формулировка позиций и диалог между ними должны периодически повторяться. Проблема современной российской, да и не только российской философии заключается в отсутствии – или даже невозможности – такого знакового текста, по отношению к которому отдельные философы и сообщество в целом могли бы занять ту или иную позицию. В этих условиях остается производить локальные дискуссии и локальные тексты, надеясь, что среди них родится тот самый, – песчинка, переводящая броуновское движение в структуру, пусть и временную.

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук (проект № МК-2230.2020.6 «Предмет, функции и задачи философии в современном контексте развития российской науки»)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII в. СПб.: Алетейя, 1996. 320 с.

2. Артемьева Т. В. *Философия в Петербургской Академии наук XVIII века*. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. 182 с.
3. Введенский А. И. *Судьбы философии в России*. М.: Тип. Товарищества И.Н. Кушкерев и К., 1898. 43 с.
4. Визгин В. П. Как я понимаю философию // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2009. № 1 (2). С. 18-28.
5. Визгин В. П. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз // *Философия науки*. М.: Ин-т философии РАН, 2002. Вып. 8. С. 176 -199.
6. Горохов В. Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // *Высшее образование в России*. 2011. № 5. С. 135-145.
7. Гусейнов А. А. Значение Академии наук для развития философии в России // *Вестник РАН*. 2017. Т. 87, № 12. С. 1082-1090.
8. Елизаров В. П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого сообщества» // *Пространство и время в современной социологической теории* / Под ред. Ю. Л. Качанова. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. С. 103-127.
9. Ермичев А. А. О статье С. Косакова «Мифы и истины в истории русской философии» // *Вопросы философии*. 2015. № 5. С. 89-92.
10. Жучков В. А. *Немецкая философия эпохи раннего Просвещения (конец XVII – первая четверть XVIII в.)*. М.: Наука, 1989. 206 с.
11. Ильенков Э. В., Коровиков В. М. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Ильенков Э. В. *От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950-1960*. М.: «Канон+»; РООИ «"Реабилитация"», 2017. С. 242-254.
12. Копелевич Ю. Х. *Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII в.)*. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1974. 268 с.
13. Корсаков С. Н. Мифы и истины в истории русской философии // *Вопросы философии*. 2015. № 5. С. 69-85.
14. Межуев В. М. Кому и зачем нужна сегодня философия? // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2009. № 2(3). С. 6-16.
15. Огурцов А. П. Точки роста философии: разрозненные мысли // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2009. № 1(2). С. 29-47.
16. Ойзерман Т. И. Философия философии // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2008. № 1. С. 6-13.
17. Пирожкова С. В. Наука как культурный феномен и социокультурный проект // *Вестник РАН*. 2020. Т. 10. № 5. С. 425-433.
18. Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «что такое философия?» // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2009. Т. № 1(2). С. 5-17.
19. Порус В. Н. Философский статус «метафилософии науки» // *Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Т. 56, № 2. С. 134-150.
20. Пустарнаков В. Ф. *Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры*. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. 919 с.
21. Романо К. Ричард Рорти и понятие *Fach* // 150 лет прагматизма. История и современность / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2019. С. 37-47.
22. Рорти Р. Философия и будущее // *Вопросы философии*. 1994. № 6. С. 29-34.
23. Рорти Р. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
24. Шнайдерс В. *Deus est philisophus absolute summus*. О философии Христиана Вольфа и понятии философии / Пер с нем. и коммент. О. М. Зелениной; Науч. ред. Г. Л. Тульчинского // *Философский век: Альманах*. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. Вып. 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. С. 15-46.
25. Эйлер Л. *Письма к ученым* / Сост. Т. Н. Кладо, Ю. Х. Копелевич, Т. А. Лукина; Под ред. В. И. Смирнова. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1993. 398 с.

REFERENCES

1. Artemyeva T. V. History of Metaphysics in Russia in the 18th Century. St. Petersburg, 1996. 320 p. (In Russ.)
2. Artemyeva T. V. Philosophy at the Petersburg Academy of Sciences in the 18th century. St. Petersburg, 1999. 182 p. (In Russ.)
3. Vvedensky A. I. The Fate of Philosophy in Russia. Moscow, 1898. 43 p. (In Russ.)
4. Vizgin V. P. How I understand philosophy. Philosophy Journal. 2009. No 1(2). P. 18–28. (In Russ.)
5. Vizgin V. P. The Crisis of the Modernist Project and New Antropo-theo-cosmic Unity. Philosophy of science. Vyp. 8. 2002. P. 18–28. (In Russ.)
6. Gorohov V. G., Grunvald A. Each Innovation has a Social Character (Social Technological Assessment as an Applied Philosophy of Technology). Higher Education in Russia. 2011. No 5. P. 135–145. (In Russ.)
7. Guseinov A. A. The Significance of the Academy of Sciences for the Development of Philosophy in Russia. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 87. No 6. P. 510–517. (In Russ.)
8. Elizarov V. P. “Republic of Scientists”: Social Space of the “Invisible Community”. Space and Time in Modern Sociological Theory. Moscow, 2000. P. 103–127. (In Russ.)
9. Ermichjov A. A. On the Article by S. N. Kosakov “Myths and Truths in the History of Russian Philosophy”. Voprosy filosofii. 2015. No 5. P. 89–92. (In Russ.)
10. Zhuchkov V. A. German Philosophy of the Early Enlightenment (late XVII – first quarter of the XVIII century). Moscow, 1989. 206 p. (In Russ.)
11. Ilyenkov E. V., Korovikov V. M. Theses on the Question of the Relationship between Philosophy and Knowledge about Nature and Society in the Process of their Historical Development. In Ilyenkov E.V. From the Abstract to the Concrete. A Steep Route. 1950–1960. Moscow, 2017. P. 242–254. (In Russ.)
12. Kopelevich Ju. H. The Emergence of Scientific Academies (mid XVIIth – mid XVIIIth centuries). Leningrad, 1974. 268 p. (In Russ.)
13. Kosakov S. N. Myths and Truths in the History of Russian Philosophy. Voprosy filosofii. 2015. No 5. P. 69–85. (In Russ.)
14. Mezhuiev V. M. Who Needs Philosophy Today and Why? Philosophy Journal. 2009. No 2(3). P. 6–16. (In Russ.)
15. Ogurcov A. P. Points of Growth of Philosophy: Disparate Thoughts. Philosophy Journal. 2009. No 1(2). P. 6–16. (In Russ.)
16. Ojzerman T. I. Philosophy of Philosophy. Philosophy Journal. 2008. No 1. P. 6–13. (In Russ.)
17. Pirozhkova S. V. Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No 3. P. 210–219. DOI: 10.1134/S1019331618030073
18. Podoroga V. A. What is Asked When Asked “What is Philosophy?”. Philosophy Journal. 2009. No 1(2). P. 5–17. (In Russ.)
19. Porus V. N. The Philosophical Status of “Metaphilosophy of Science”. Epistemology & Philosophy of Science. 2019. Vol. 56. No 2. P. 134–150. (In Russ.)
20. Pustarnakov V. F. University Philosophy in Russia. Ideas. Personalities. The main Centers. St. Petersburg, 2003. 909 p. (In Russ.)
21. Romano C. Richard Rorty and the Notion of a Fach. 150 Years of Pragmatism. Moscow, 2019. 270 p. (In Russ.)
22. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Novosibirsk, 1997. 320 p. (In Russ.)
23. Rorty R. Philosophy and Future. Voprosy filosofii. 1994. No 6. C. 29–34. (In Russ.)
24. Schneiders W. Deus est philisophus absolute summus. On Christian Wolff’s philosophy and the notion of philosophy. Trans. and comment. by O. M. Zelenina. Ed. by G. L. Tulchinsky. The Philosophical Age. Almanac. Vol. 3. Christian Wolff and Russian Wolffianism. St. Petersburg, 1998. 320 p. (In Russ.)
25. Euler L. Letters to the scientists. Moscow–Leningrad, 1974. 268 p. (In Russ.)

PHILOSOPHY AS ELEMENT OF RUSSIAN SCIENTIFIC SYSTEM: HISTORICAL ASPECTS OF PROBLEM

PIROZHKOVA
Sophia

*Candidate of Philosophical Sciences,
Senior research fellow,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Department of Theory of Knowledge,
Moscow, Russian Federation, pirozhkovasv@gmail.ru*

Keywords:

philosophy
science
scientific discipline
Wolffianism
free philosophy
University philosophy

Summary:

The article offers a rational reconstruction of the history of the development of Russian philosophy as a scientific discipline. The relevance of this reconstruction is due to the need for a new self-determination of philosophy in the structure of scientific knowledge. This need is caused, on the one hand, by the world-wide transformations of science as a cognitive, social and cultural phenomenon, on the other hand, by the fact that Russian science is undergoing a period of reforms that pose urgent questions for Russian philosophy to fix its features, functions and tasks as a scientific discipline in new conditions. The article shows that philosophy appears in Russia as part of an integral system of rational knowledge, or rather as part of a kind of socio-cultural project of such system. This system inherits the Ch. Wolff' project. It is characterized by the absence not only of the modern differentiation of sciences, but also of the later opposition between philosophy and science. In a short time by historical standards, the emancipation of natural science disciplines begins, seeking to privatize the status of scientific knowledge. However, since the beginning of the XIX century, it is not self-determination in opposition of science acquiring its modern face, but the socio-political context that determines the fate of Russian philosophy, setting various forms of its institutionalization. This dependence persists in the twentieth century, when the role in the Soviet socialist project returns philosophy to the central place in the structure of scientific knowledge, as it was in the Wolff' system, while discrediting it as a scientific activity. It is proved that since the end of the 1950s, Russian philosophy has begun to partially rebuild itself as a scientific discipline, creating prerequisites for the retention of academic and university philosophy after the collapse of soviet ideology.